

ПОЧЕМУ НУЖЕН РАЗУМНЫЙ РОСТ

*Из выступления вице-президента Эла Гора
Институт Брукингса, Вашингтон, округ Колумбия
2 сентября 1998 г.*

С тех пор, как он впервые предстал перед человеческим взором, «Новый свет» (Северная и Южная Америка) является откровением для Старого. Бывало, американская сельская местность заставляла путешественников застыть в изумлении. Вот какой прекрасной она была.

От сказителей племени Лакота, в чьих легендах безмерная чистота западного неба олицетворяла внутреннее мужество, до изображавших реку Гудзон художников (XIX века), чьи холсты и мазки кистей становились все крупнее и размашистее в стремлении показать старой Европе, сколь величественны утесы Короля штормов, от Торо, прозревшего целое паломничество в спокойном водоеме посреди массачусетских лугов, до Марка Твена, который писал своим читателям на востоке, что глубины Тахо до того прозрачны, что сквозь целую милю вниз можно разглядеть камни на дне озера, и до испанских поселенцев, нарекавших горные вершины в Калифорнии именами, навеянными теми видами, что с них открывались, – Буэна-Виста и Альта-Виста, – все эти американцы знали: их родина – край, исполненный природной красоты.

Города и деревни этой страны всегда служили образцом гражданской жизни. Мы знали толк в устройстве поселений, в самой архитектуре, которая способствовала демократии: пуритане строили свои деревни вокруг общественных лужаек – там пасли скот, но еще важнее то, что деревенская лужайка была тем местом, где провозглашались новости, где соседи беседовали или спорили о насущных заботах.

По мере того, как вырастали наши города, их жизнь обретала присущие Америке подвижные контуры: смешанное строительство жилищ над мелкими мастерскими позволяло людям трудиться долгими часами, заботиться о находящихся рядом семьях и начинать восхождение по экономической лестнице. Когда XIX век подходил к концу и Америка оглядывалась вокруг в своем новоявленном богатстве и разнообразии, родилось движение «Прекрасные города»: гордые общественные здания – библиотеки и почтамты, городские ратуши и колледжи, парки и зоны отдыха, где трудящиеся мужчины и женщины могли провести выходные, богато украшенные торговые строения и скульптуры – провозглашали на весь мир, что Кливленд или Милуоки, Корваллис или Таскалуза, хоть и молодые города, но многим могут гордиться.

Большие общественные здания и рекреационные зоны в городских центрах влекли людей друг к другу: по крайней мере, трудовой люд вращался среди богатых... В центрах наших городов те, кто готов искать, еще находят драгоценные дары культуры и истории...

Мы по-прежнему можем лицезреть величие того, что видели тогдашние американцы в наших природных и рукотворных пейзажах, – но слишком уж часто, в слишком многих местах мы наблюдаем лишь следы былого величия, потому что за последние тридцать лет дурное планирование слишком часто до неузнаваемости искажало облик наших городов и ландшафтов. Мы ездим по тем же величественным просторам, но в слишком многих местах земля, через которую мы проезжаем, нередко отягощена уродством, оставляющим в нас спокойное чувство печали. Это бремя общенационально. Ни один штат его не избежал.

От пустынного Юго-Запада до лесистого Северо-Востока, от самых первозданных снежных полей на Аляске до прекраснейших низин в обеих Каролинах – бурьян чересполосного освоения портит пейзаж, который помнят наши деды. Мы гуляем по городским центрам, но как часто деловые районы являют собой пустошь из заколоченных магазинных фасадов, которая окунается в безмолвие вечерами, когда регулярные пассажиры начинают свое утомительное путешествие на периферию, во все более и более отдаленные пригороды.

Многие из наших пешеходных главных улиц (в городах) опустели, их маленькие магазинчики один за другим закрываются, оставляя ночной вакуум для преступности и бесчинств. Гектар за гектаром асфальт преобразил бывшие горные просеки и благодатные долины в нечто немногим лучшее, чем гигантские автостоянки. Бездумная экспансия, спешно творимая вокруг городов нашей страны, превратила некогда дружелюбные и спокойные пригороды в одинокие тупики, столь отдаленные от городского центра, что семье, которая хочет купить доступный по цене дом, приходится ездить так далеко, что родители возвращаются с работы слишком поздно, чтобы прочитать ребенку сказку на ночь. Во многих таких районах отсутствие тротуаров, удобств и зеленых зон не дает гулять, ездить на велосипеде и играть, и дети больше узнают о «Нинтендо» и одиночестве, чем о свежем воздухе и новых впечатлениях.

Дома в таких местах строились быстро и беспечно: разровняли экосистему бульдозером, выкорчевали вековые деревья, благодаря которым жили окрестные птицы и дикие животные. Люди въезжают и устраивают свою жизнь, но когда по их мечтам проезжают бульдозеры, они начинают тосковать по своим воспоминаниям – лугу, бывшему детским раем в конце пригородной улицы, местным лавкам, где соседи передавали друг другу здешние новости, парку, в котором семьи вместе устраивали пикники.

Проблема, от которой мы страдаем в слишком многих наших городах, пригородах и сельских районах, состоит из столь многих разных кусочков, что до недавних пор это была проблема, у которой нет названия. «Экспансия» – едва ли подходящее определение.

Но американцы – народ изобретательный. Если ржа бездарного освоения и ее социальные последствия имеют много имен, то решения, впервые предложенные местными гражданами, начинают соединяться в целое движение. Одни называют его «стабилизацией», другие – «разумным ростом». Третьи ссылаются на «стратегию мегаполисов», четвертые предпочитают говорить о «регионализме». В Нью-Йорке и Портленде, в городках типа Селебрейшн во Флориде и в других местах по всей стране его нарекли движением за «комфортность», пригодность для жизни. И это выражение ничуть не хуже любого другого описывает те многочисленные решения, которые нарабатывают местные граждане.

Повсюду в стране это движение демонстрирует нам, как можно строить более пригодные для жизни города – места, где семьи работают, учатся и служат Богу вместе, где можно вместе гулять и кататься на велосипедах, ходить по магазинам и играть, а если угодно – ездить на машине – и без труда находить, где припарковаться! – и выбираться на волю, и резвиться.

Пригород или город, где можно жить, позволяет нам быстро добираться домой после работы, так что у нас есть возможность проводить больше времени с друзьями и родными и меньше времени застревать в дорожном потоке. Это такое место, которое восстанавливает и поддерживает наши исторические окрестности, так что их не бросают и не разравнивают бульдозерами, а они живут – вместе с магазинами и учреждениями культуры. Это – место, которое в процессе нового освоения сохраняет семейные фермы и зеленые пространства, так что даже в век пространства виртуального дети могут расти, зная, что это такое – есть выращенные под боком продукты или летним вечером гонять мяч в открытом поле. Большинство из нас не могут себе позволить ездить в Йеллоустон или на Великий каньон всякий раз, когда мы хотим насладиться

щедрым американским пейзажем; комфортный микрорайон дает вам и вашей «половине» возможность пройтись по природной экосистеме, просто выбравшись на вечернюю прогулку вдоль собственной улицы.

Город, пригодный для жизни, заботится о парках не меньше, чем о парковках, и развивается так, чтобы наращивать местную силу и уникальность, сопротивляясь «бисквитному чудищу» из Маппет-шоу, нарезавшему под один стандарт столь немалую часть нашей страны.

А в XXI веке зоны комфорта будут все в большей мере становиться экономически сильными сообществами: местами, куда высокое качество жизни привлекает наиболее образованных и подготовленных работников и предпринимателей; местами, где хорошие школы и крепкие семьи поощряют творчество и продуктивность; местами, где лучшие умы и лучшие компании обмениваются идеями и вместе строят наше общее будущее.

Очень многие города и пригороды создают более пригодные для жизни районы и демонстрируют, что можно справляться с развитием населенного пункта, по ходу дела становясь экономически сильнее. Действительно, прежде всего и главным образом наши города, пригороды и микрорайоны нуждаются в дальнейшем экономическом росте и мощи, позволяющей процветать.

Именно поэтому, стремясь сегодня сделать населенные пункты более комфортными, мы должны делать упор на правильный тип роста – устойчивый рост. Нельзя поощрять лучшее качество жизни для наших семей за счет экономического роста. На самом деле в XXI веке оно может и должно стать двигателем экономического роста.

В последние 50 лет мы строили вширь, а не ввысь. Поскольку земля тем дешевле, чем дальше она расположена, новые офисные здания, дороги и торговые центры удаляются все больше, удлиняя регулярные маршруты и способствуя загрязнению. Эта растянутость вовне оставляет в городах и пригородах вакуум, который выталкивает рабочие места, предприятия, жилые дома, а заодно и надежду. Когда люди перестают ходить пешком в центральных районах, этот вакуум быстро заполняют преступность, наркотики и другие опасности.

Увеличиваются время на езду и нагрузка на дороги; американцы ежегодно теряют на этом около полумиллиарда долларов. Полтора часовые поездки каждый день – это десять полных рабочих дней в году, потраченных на то лишь, чтобы торчать в потоке машин. Проблема заключается не в самих автомобилях, ведь на протяжении столь значительной части нынешнего столетия они давали нам шанс угнаться за своей мечтой. Просто мы никогда не рассчитывали по пути натолкнуться на дорожную пробку.

И вот измученный ездок ищет себе недорогое жилье подальше – и не может не оставлять местных фермеров не у дел, ибо семейные фермы не в силах платить растущие налоги на имущество. Сады и молочные фермы разоряются, ежедневная поездка становится еще длиннее, и в итоге никто не выигрывает, а меньше всех – наши дети. Америка, которая каждый час теряет на развитии городов 50 акров /20 гектаров/ сельскохозяйственных земель, может к следующему столетию стать крупнейшим чистым импортером продовольствия вместо крупнейшего в мире экспортера.

Такого рода несогласованный рост означает не просто долгую поездку на работу... он означает, что работающим семьям приходится ежегодно тратить лишние тысячи долларов на транспортные расходы, хотя они, возможно, предпочли бы потратить эти деньги на то, чтобы сын или дочь весь год учились в хорошем колледже. Он означает, что люди, сходящие с социального

пособия и жаждущие работать... обнаруживают, что у них нет способа ездить на доступную работу и при этом успевать забирать ребенка из детского сада.

Он означает, что матери остаются наедине с маленькими детьми, которые лишены возможности играть со сверстниками, а старики в одиночестве сидят в своих домах. Качество воздуха и воды снижается, налоги растут, нет тротуаров, а даже если бы и были – пойти все равно некуда.

Мы встречаемся в торговых рядах, но посидеть с семьей в погожий денек негде. Внезапно убеждаемся: это не тот город, в котором мы хотели жить.

Я часто вспоминаю известную теорию «разбитых окон». Когда преступник видит квартал с разбитыми окнами, разбросанным по улице мусором и надписями на стенах, он получает мощный, хотя и не высказанный напрямую посыл: если ты ищешь, где совершить преступление, то это место здесь, потому что мы очень терпимо относимся к беспорядку.

Если молодая семья подыскивает место, где ей жить, а предприниматель – где бы начать бизнес, какой сигнал подает им город, если нет в нем парков и зелени, негде делать покупки, гулять и играть с детьми, нет беговых дорожек, помогающих людям поддерживать форму, нет поблизости ни сельской местности, ни семейных ферм?

Посыл ясен: вам не стоит растить здесь детей, потому что мы не ценим того качества жизни, которое вам нужно. Зато город, где удобно жить, гулять, играть, город, напоминающий крепкую и надежную компанию или хорошо оборудованный, современный класс, шлет совсем другой сигнал: мы заботимся об этом месте, и вы тоже должны.

Очень многие поколения выезжали в пригороды, чтобы обрести хорошую жизнь – больше простора, больше безопасности, больше покоя, плюс лучшее качество жизни. Сегодня именно там создается подавляющее большинство новых рабочих мест. Мы должны суметь осуществить эту мечту.

Мы начинаем понимать, что жизненные уклады в городах и пригородах не противоречат друг другу, а взаимно переплетаются. В предместье никто не хочет жить по соседству с умирающим городом.

А в городе никому не надо, чтобы его со всех сторон окружали сплошные автостоянки вместо процветающих, удобных для жизни пригородных зон. Не захочет никто и расстаться с вольными просторами и плодородными землями, которые дарят пищу, красоту и равновесие нашей постиндустриальной жизни с ее бешеным ритмом.

К счастью, по всей Америке населенные пункты объединяются, чтобы ответить на эти новые вызовы роста – восстановить исторические окрестности, защитить вековую пашню, превратить торговые ряды в деревенские площади, сохранить наше достояние – и природное, и культурное. Эти местные сообщества доказывают, что Америка может расти в согласии со своими ценностями, включающими в себя не только доброту, но еще и красоту. Работая сообща, они показывают нам: мы можем построить Америку, которая не только лучше живет, но и просто лучше.

Достигается не только жизненное удобство – достигается новая жизнь для нашей демократии.

Когда граждане сходятся планировать свое общее будущее, когда они сознают, что могут изменить ситуацию прямо у себя в микрорайоне, – мы распахиваем дверь, ведущую к более полноценной гражданской жизни и самоуправлению в масштабах гораздо более широких. Вот почему в городах и поселках должен происходить разумный, «зеленый» рост...

Как сказал Дэниел Кеммис, «что удерживает людей вместе достаточно долго для того, чтобы открыть в себе гражданскую силу, так это их общее обитание в одном месте». Иными словами, если перефразировать телешоу: «Каждому нужно такое место, где все знают, как тебя зовут». В детстве я жил как раз в таком городке – Карфагене, штат Теннесси. Его я часто описывал как место, где люди знают о нем, когда ты рождаешься, и заботятся о нем, когда ты умираешь. Найдется немало американцев, желающих жить в городе, у которого есть такое чувство.

Позвольте поделиться несколькими примерами происходящего по всей стране.

Возьмем Чаттанугу – город, где живут черные и белые семьи, богатые и трудящийся класс, в моем родном штате Теннесси. Подобно испанским поселенцам, строившим себе дом на прекрасной Буэна-Висте, основатели Чаттануги были зачарованы красотой земли, лежащей между двумя величественными горами и крутой излучиной реки Теннесси... Но к тому времени, когда я рос, этот голос охрип. Смог был таким густым, что люди даже не видели гор. Воздух был таким грязным, что порой, когда женщины выходили куда-нибудь, надевая нейлоновые чулки, тонкая ткань, облежавшая их ноги, из-за этого буквально расползалась. Набережную заполняли ветхие склады, бросалась в глаза опустевшая школа, а самый старый в городе мост считался настолько ненадежным, что власти штата хотели его снести. По словам одного члена городского совета, в Чаттануге «процветание одного поколения стало обузой для следующего».

И тогда жители Чаттануги решили возродить природную красоту этих мест. На публичные собрания и лекции ходило больше 2500 человек. Они разглядывали снимки, сделанные в других городах и районах, с ними советовались по поводу их идей и предпочтений. Учащиеся предложили превратить допотопные склады в аквариум, которому могли бы приходить целые семьи. Вскоре после этого заброшенная школа открылась вновь, став известным на всю Америку специализированным учебным заведением. Старый мост укрепили и снова начали использовать – как самый длинный в стране пешеходный путь над рекой, откуда открывался прекрасный вид. Будучи сенатором в штате Теннесси, я гордился тем, что помог Чаттануге наладить троллейбусное сообщение, чтобы дать людям альтернативу бесконечным часам, проводимым за рулем. И самое главное – в точности так, как мечтали тогдашние школяры, – древние складские помещения превратились в самый большой в мире пресноводный аквариум, с момента своего открытия ежегодно привлекающий 1,3 миллиона посетителей на радость детворе, рыбам и розничным торговцам. Сегодня Чаттануга не только чище, чем была на протяжении десятилетий, – за первую половину прошлого года она в целом штате заняла первое место по росту рабочих мест.

В Сент-Поле (штат Миннесота) силу гражданских действий нам демонстрируют такие люди, как Мэри Грубер. Она – медсестра, живущая с мужем, сантехником, на северной рабочей окраине Сент-Пола. Еще она активистка в местном экуменическом союзе прихожан. В начале 90-х она познакомилась с социальной работницей, рассказавшей ей, что первые шесть недель каждого школьного года тратит на поиски обуви для детей. Она поняла, что нищета сводит на нет все старания их города обеспечить хорошее образование. Но когда она заинтересовалась, откуда возьмутся рабочие места для каждого, во всей округе она обнаружила лишь заброшенные старые фабрики. Проведя небольшое исследование, она выяснила, что в районах городских трущоб никому не нужные цеха занимают больше 1600 гектаров и не дают создавать новые рабочие места.

Вместе с членами своего религиозного объединения она помогла собрать группу из 45 человек – представителей церквей и экологических групп, градостроителей и муниципальных чиновников из трущобных районов и пригородов, чтобы совместными усилиями привести в порядок эти старые площади и заставить их вновь работать, обеспечивая занятость. Эти люди выдвинули собственный лозунг: «Превратим грязь в золотую жилу». Они устраивали митинги, слали пети-

ции, встречались с законодателями штата. И они убедили легислатуру принять семилетний план – восстановить 70 гектаров земли под загрязненными участками, создать там более 2000 новых рабочих мест и привлечь до 70 млн долларов частных инвестиций в некогда игнорируемые районы. Один из активистов подытожил все это так: «Терпеть не могу выглядеть заводилой-общественником, но... отсюда вы уходите с мыслью о том, что потратили время не зря». В Сент-Поле преобразование материального ландшафта означало перемену к лучшему в людских жизнях.

В Скалистых горах, в округе Раутт (штат Колорадо), население и предприниматели начали опасаться, что бурное развитие круглогодичных курортов и туризма может отрицательно сказаться на облике их маленькой животноводческой и горнодобывающей общины. Летом по рабочим дням в городке с населением всего 15 000 человек на главной улице нередко скапливалось до 28 000 машин. Президент одного из банков сказал: «Вопрос не в том, будем ли мы расти. Вопрос в том, как нам справиться с этим ростом, чтобы сохранить то, ради чего мы все сюда пришли». А еще люди понимали: разрушить их сельский образ жизни означало бы лишь нанести ущерб туризму. Поэтому более тысячи жителей выработали план под названием «Наша судьба – в наших руках», на основе которого появились проекты по строительству доступного жилья, расширению открытого пространства, улучшению работы транспорта и школ.

Свыше 4000 гектаров земли отведено под постоянные пастбища, вокруг которых может разрастаться город. И теперь бывшие противники – от животноводов и бизнесменов до защитников окружающей среды – вместе работают ради твердого, устойчивого и красивого роста.

Еще есть город Детройт. Все мы помним, как всего несколько лет назад Детройт, казалось, пребывал в свободном падении, теряя рабочие места, теряя предприятия, приобретая взамен преступность и нищету. Нормой жизни было недоверие в отношениях между городом и окружающими его предместьями. Сегодня Детройт переживает экономический ренессанс – и этот прогресс произошел во многом благодаря стремлению мэра Арчера сотрудничать с соседними округами.

Наша свободная экономическая зона в Детройте (часть города, где более низкие налоги стимулируют инвестиции в новые предприятия) не только помогла привлечь частные инвестиции в размере 4 млрд долларов и создать тысячи рабочих мест в некогда опустошенном городском ядре, но и соединила жителей свободной зоны с имеющимися в наличии рабочими местами в пригородах. В выигрыше и окрестная природа. Населенные пункты объединились, чтобы защитить и сохранить реку Детройт, включенную в наш новый проект «Реки – достояние Америки». В борьбе с растлевающим урбанизмом вдоль северной границы Детройта сплотились 13 городов и поселков, три округа и власти штата. А в прошлом году горожане даже согласились выделить 38 млн долларов на перестройку рекреационных объектов, расположенных в отдаленных пригородах. Разнообразные регионы видят свой общий интерес. Все понимают: единственный способ добиться роста и процветания для каждого – работать сообща.

В 1970-е годы Портленд (штат Орегон) ежегодно поглощал 12 000 гектаров своих тучных сельскохозяйственных земель и покушался на девственные леса, ведущие к горе Маунт-Худ. Чтобы защитить эти земли, Портленд принял план разумного роста – создать более удобное для жизни и пеших прогулок сообщество и одновременно сохранить исторические территории вместо того, чтобы строить все дальше и дальше. Им говорили, что это невозможно, что новый акцент на качестве жизни выдавит предприятия и раздавит ценность имущества. Однако случилось противоположное: возникли высокотехнологичные кампусы, ценность жилья возросла, население Портленда пополнилось семьями, бегущими от городской экспансии и давки в других местах, а новая железная дорога облегченного типа привлекла 40 процентов всех регулярных пассажиров...

Как писала одна газета: «Многие из более новых компаний в Орегоне – вроде «Хьюлетт-Паккарда», «Интела» и «Хюндай» – утверждают, что переместились сюда потому, что здесь прямо через дорогу от сдерживаемых городских кварталов находятся леса, сады и извилистые реки. Работодатели говорят, что хотят базироваться в районе, способном привлечь образованных работников, которых качество жизни интересует не меньше, чем заработок». Или, как выразился один из сотрудников фирмы «Интел»: «Компании, которые могут располагаться где хотят, пойдут туда, где смогут привлечь нужных людей на нужные места». Создание единого местного сообщества обернулось подлинно здравым смыслом.

Каким же образом федеральные власти могут поощрить и подкрепить более разумный, более комфортный устойчивый рост? Опять-таки разумный рост определяется местными и городскими решениями, и мы не хотим никому указывать, где жить или где размещать предприятие. Но я убежден: федеральная поддержка местной энергии может сыграть важную роль...

В некоторых случаях федеральные субсидии реально побуждали населенные пункты протягивать коммуникации в далекие неосвоенные районы вместо того, чтобы совершенствовать и расширять их в местах, где семьи уже ими пользуются. А до того, как мы сменили политику, федеральное правительство предоставляло работодателям большие субсидии, чтобы они создавали автостоянки для своих сотрудников, но гораздо меньше помогало компенсировать затраты на массовую перевозку людей. По такого рода мерам нам нужен диалог в масштабах всей страны.

Мы можем создать строго адресные стимулы, поощряющие более разумный рост, – такие как поддержка массовых перевозок и железнодорожных систем облегченного типа, – с тем чтобы никоим образом не ограничивать рост, но вознаграждать такой рост, который укрепляет комфортные для семей населенные пункты.

Мы можем сыграть чрезвычайно позитивную роль как партнеры городам, пригородным и сельским районам, что мы уже начали делать благодаря нашей инициативе по свободным экономическим зонам и сотрудничеству с Американской конференцией мэров и Национальной ассоциацией окружных организаций по их Совместному центру устойчивых сообществ. Таким путем целые регионы могут создавать концепции и вместе строить общее будущее.

Мы с президентом Клинтоном уже многое сделали для того, чтобы федеральное правительство стало более ценным партнером, а это – составная часть решения проблемы. Мы расчищаем старые «бурые поля» и свалки токсичных отходов и заменяем их парками, новыми предприятиями и новыми домами. Президентский совет по устойчивому развитию приложил немало усилий к тому, чтобы поощрить создание более качественных и комфортных населенных пунктов...

Местные и федеральные власти все яснее и яснее понимают то же самое, что узнает любой глава семейства, стремясь позволить себе приобрести дом, а потом и защитить его: места, где люди живут, важны для них, формируют их, хорошо это или плохо. Наши поселения должны быть не просто участками расчищенной бульдозером земли, не просто дорожными сетями и бездушными зданиями. Они должны позволять нам встречаться, гулять, кататься на велосипедах, играть со своими детьми и знать, что можем создавать города, которые желаем для их детей. Поселения, как зеркала, отражают нашу человеческую суть.

Мы должны сохранять и защищать особенности нашего природного ландшафта – и рукотворного тоже. Именно поэтому Америка всегда должна стремиться к мощному и напористому росту – но такому росту, который согласуется с местными ценностями.

Американский романист Уоллес Стегнер однажды нам напомнил: какое бы глубокое место ни занимали в наших сердцах мифические ковбои, семьи первопроходцев и «одинокие объездчики», мы ничуть не меньше ценим наши традиции обустройства усадеб и поселений. Как писал Стегнер: «Здесь родной дом надежды. Когда [Америка] до конца осознает, что сотрудничество... это именно тот образ жизни, который лучше всего ее характеризует и хранит, тогда она осуществит себя и переживет свои истоки. Тогда [у нас будет] шанс создать общество, созвучное [нашей] природе»...